

Проблема взаимоотношений Киевской Руси с кочевым миром восточноевропейских степей давно привлекает к себе внимание. Ее изучение, начатое едва ли не два столетия тому назад, никогда не прерывалось. И в последние годы вышел в свет ряд серьезных исследований, среди которых прежде всего необходимо назвать работы С. А. Плетневой.¹ Интерес к этой стороне исторического прошлого неслучаен: политические, экономические, культурные и иные контакты между Русью и кочевниками не только играли большую роль в повседневной жизни государств, государственных образований, племенных союзов, народностей, но и оказали существенное влияние на их исторические судьбы.

Постоянные дискуссии, сопровождавшие изучение взаимоотношений Древней Руси с кочевыми народами, придают особую актуальность историографическому осмыслению проблемы. Однако, за малыми частными исключениями, с такой стороны она специально не рассматривалась. Р. М. Мавродина и предприняла попытку заполнить наметившийся пробел. Первоначально ею были опубликованы серия статей, посвященных различным сторонам этой темы, и раздел в коллективном труде «Советская историография Киевской Руси».² Затем Р. М. Мав-

¹ См., например: *Плетнева С. А.* 1) Половецкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. : Сб. статей. М., 1975, с. 260—300; 2) Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья. — ВИ, 1981, № 6, с. 50—63; 3) Печенеги, торки, половцы. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 213—222; 4) Кочевники средневековья. Поиски ист. закономерностей. М., 1982.

² Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

родина приступила к написанию монографии «Взаимоотношения Киевской Руси с кочевниками (печенегами, торками, половцами) в русской дореволюционной и советской историографии».

Ранняя смерть Русланы Михайловны Мавродиной (1945—1980 гг.), делавшей лишь первые, но многообещающие шаги в науке, не дала возможности довести работу до полного завершения. Однако актуальность темы, отсутствие подобных обобщающих историографических обзоров позволили поставить вопрос об издании ее труда (под уточненным названием).

Он сохранился в нескольких вариантах — в виде рукописного черновика, правленной рукой автора машинописной копии и, наконец, окончательного машинописного текста, хотя и не сверенного после перепечатки. В последнем оказались лакуны, часть которых Р. М. Мавродина, по некоторым признакам, предполагала заполнить за счет использования рукописного черновика, промежуточной машинописной копии и опубликованных ранее собственных работ.

Готовя исследование Р. М. Мавродиной к печати (совместно с Ю. Н. Беспятым), я и исходил из выявившейся последней воли автора, положив в основу издания белой машинописный экземпляр, дополняемый в необходимых случаях из указанных источников. Произведены также незначительные сокращения материала.

Оценивая проделанную Р. М. Мавродиной работу, необходимо отметить, что в ней обнаруживаются и такие лакуны, заполнить которые без автора не представляется возможным. В частности, ни в один из вариантов исследования не были включены материалы, касающиеся прошедших в нашей научной печати дискуссий о кочевом феодализме, не даются там оценки некоторых трудов, имеющих косвенное отношение к теме.

А между тем, судя по подготовительным записям, Р. М. Мавродина первоначально имела в виду в той или иной степени затронуть теоретические проблемы, подвергнутые обсуждению в этих работах. Можно высказать предположение, что впоследствии она не осуществила своего замысла из-за несоответствия части заинтересовавших ее исследований хронологическим рамкам историографического обзора (по 60-е годы XX в.). В других немногих случаях она просто не успела довести начатое до конца. Однако необходимо отметить, что оказавшиеся

пезатропутыми Р. М. Мавродиной сюжеты располагаются как бы на периферии основной проблемы, которой занимался автор, и не касаются непосредственно историографической оценки трудов, посвященных изучению взаимоотношений Киевской Руси с печенегами, торками и половцами.

В процессе подготовки книги к печати и ее редактирования ряд ценных советов дали М. Б. Свердлов, А. Н. Цамутали и А. Л. Шапиро.

В. М. Панеял

Образование и развитие Древнерусского государства, формирование и складывание древнерусской народности являются актуальными проблемами исторической науки. Заслуживает внимания и исследование условий, сопутствовавших этим процессам. Среди них немалое значение имеет комплекс вопросов, связанных с взаимоотношениями Киевской Руси и кочевников. Важные сами по себе, эти вопросы в то же время являются частью сложной проблемы взаимоотношений оседлых земледельческих и кочевых скотоводческих народов.

Кочевничество как особая форма хозяйства и связанного с ней образа жизни, основанное на экстенсивном скотоводстве, появляется в глубокой древности. Археологический материал и письменные источники дают достаточно убедительные основания относить зарождение кочевого скотоводства на территории Евразии к рубежу II и I тыс. до н. э., а процесс его сложения в развитую систему, проходивший неравномерно в различных районах, — к рубежу двух эр.

Основоположники марксизма придавали большое значение изучению процесса выделения из массы земледельцев-скотоводов скотоводческих, пастушеских племен, который Ф. Энгельс называл первым крупным общественным разделением труда.¹ В связи с углубленным анализом самого кочевого общества они уделяли много внимания и взаимоотношениям между кочевыми и оседлыми народами. Эти взаимоотношения, особенно в ранние периоды существования кочевничества, основывались

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 160.

прежде всего на специфических особенностях скотоводческого хозяйства, которые обуславливали ведущую роль в нем товарного обмена.²

Наблюдения над периодически повторявшимися нашествиями кочевников на соседние оседлые народы привели К. Маркса к выводу, что своеобразная ритмичность, с которой степи выбрасывали одну за другой волны кочевников на обширные пространства, заселенные народами, создавшими на основе земледелия, оседлого скотоводства и ремесла очаги цивилизации и могущественные государства, является следствием низкого уровня развития производительных сил кочевников. Им необходимы были огромные территории для сохранения привычного образа жизни и традиционных форм хозяйства. К. Маркс писал, что они действовали «сообразно с их способом производства», поскольку для скотоводства «большие необитаемые пространства являются главным условием»,³ и отмечал, что «давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира».⁴ Способ производства племен, занимавшихся скотоводством, охотой и войной, «требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы».⁵ Ритмичность вторжений и переселений кочевников нельзя не связывать и с природными факторами. В результате исследований специалистов в области палеоботаники и климатологии установлено, что в прикаспийско-причерноморских степях Восточной Европы, являющихся продолжением степей континентальной Азии, всякое потепление климата вызывало наступление засушливого периода, и наоборот, похолодание вызывало увлажнение и обогащение растительности. Это приводило к росту поголовья скота, а вместе с ним и к повышению уровня

² Там же, т. 23, с. 99.

³ Там же, т. 12, с. 724.

⁴ Там же, т. 8, с. 568.

⁵ Там же.

жизни, увеличению численности населения, чем обуславливалось сокращение площади свободных пастбищ.⁶

Говоря о народах, находившихся на высшей стадии варварства, у порога цивилизации, т. е. классового общества, Ф. Энгельс отмечал: «Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».⁷ Если агрессивность с целью захвата добычи — скота, ценностей, пленных — свойственна эпохе варварства вообще, то в еще большей степени эта агрессивность характеризует кочевников-степняков. Подвижность кочевников, все войско которых состояло из конных воинов (а воином был каждый мужчина), сильная племенная и межплеменная организация, хорошее вооружение, быстрота, с которой передвигались по степям кибитки кочевников с их семьями, их скот и косяки лошадей, — все это делало степняков опасным противником.

Выводы основоположников марксизма об огромной роли обмена и торговли в кочевых обществах получили дальнейшее развитие в трудах советских историков. Они рассматривают торговлю в качестве одной из главных движущих сил в процессе взаимодействия оседлых и кочевых культур.⁸ Принимаются во внимание и другие как внешние, так и внутренние факторы, оказывавшие влияние на характер этого взаимодействия; в частности, что возникновение кочевничества было связано с ростом производительных сил. Однако со временем более ускоренное развитие земледелия и ремесел привело к тому, что кочевое скотоводство приобрело характер отсталого произ-

⁶ Шевеленко А. Я. Природный фактор и европейское общество V—X веков. — ВИ, 1969, № 10, с. 88—92; Златкин И. Я. А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов. — ВИ, 1971, № 2, с. 96.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

⁸ Златкин И. Я. 1) А. Тойнби об историческом прошлом..., с. 99—100; 2) История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964; Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монг. кочевой феодализм. Л., 1934; Очерки истории Калмыцкой АССР. Доокт. период. М., 1967.

водства, тормозившего развитие культуры и быта кочевого населения. Именно в этих условиях кочевники устремлялись на оседлые земледельческие районы, «разрушали более высокую культуру... в целях грабежа и наживы».⁹ Советские ученые при оценке путей развития кочевых обществ учитывают историческую обстановку в Европе во время вторжения в нее кочевников. Отнюдь не идеализируя общественный строй кочевников, указывая на захватнический, несправедливый характер войн, ведшихся ими, советские историки показали, что существовали не только постоянные противоречия или войны кочевых обществ с оседлыми цивилизациями, но и мирные контакты кочевников и земледельцев в хозяйственной, социальной и культурной жизни, необходимость которых обуславливалась сущностью и характером общественного разделения труда.

Важно отметить также внимание, уделяемое советскими исследователями проблеме оседания кочевых народов. Ими отмечено, что, поскольку необходимость оседания кочевников и полукочевников приобрела глобальный характер, нельзя не учитывать общезначимые черты их оседания в послеоктябрьский период.¹⁰

По справедливому замечанию Г. Е. Маркова, в последние годы назрела «необходимость в более углубленном обобщении накопленного материала по кочевничеству и более обстоятельном и подробном изложении теоретических взглядов в широком историко-этнографическом плане по истории хозяйства и общественной организации кочевого скотоводства».¹¹

Г. Е. Марков предпринял попытку изучения указанных проблем, но избрал путь более детального ознакомления с жизнью только тех кочевых народов, которые наиболее полно охарактеризованы источниками, в основном археологическими и этнографическими: монголов, казахов, туркмен, арабов. Рецензенты исследования Г. Е. Маркова одобрили это направление, считая, что автор был несомненно прав, идя не по пути описания всех кочевых

⁹ *Потапов Л. П.* Из истории кочевничества. (На матер. народов СССР). — Вестн. истории мировой культуры, 1957, № 4, с. 57, 58.

¹⁰ *Дахшлейгер Г. Ф.* Некоторые проблемы истории кочевых обществ на XIV Международном конгрессе исторических наук. — СЭ, 1976, № 4, с. 170.

¹¹ *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хоз-ва и обществ. орг. М., 1976, с. 6.

народов, а сосредоточив свое внимание только на тех, по поводу которых велись наиболее острые дискуссии. По мнению рецензентов, он «не только подвел существенный итог разработке, но и значительно продвинул вперед марксистское изучение этой важной проблемы».¹² Хотя печенеги, торки и половцы остались вне поля зрения Г. Е. Маркова, тем не менее общетеоретические положения, выдвинутые им, вполне применимы к истории этих народов.

Причерноморье и южнорусские степи начиная с XV в. до н. э. в течение многих столетий были ареной столкновений оседлых и кочевых племен. Вслед за гуннами проследовали с востока на запад многочисленные кочевые орды: в VI в. — авары и болгары, в VII в. — хазары, в IX в. — угры и печенеги, в начале XI в. — торки и половцы.

Борьба славян с кочевниками нашла отражение в источниках X—XVII вв. Ее описывали очевидцы этих событий — составители русских летописей. Первые упоминания в русских источниках о «борьбе со степью» содержит «Повесть временных лет». Начиная с Н. М. Карамзина проблема взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками заняла одно из важных мест в полемике между представителями различных историографических течений.¹³

Однако до настоящего времени попыток историографического осмысления данной проблемы почти не предпринималось. Лишь в кандидатской диссертации С. А. Плетневой была впервые предложена общая периодизация истории изучения взаимоотношений Древней Руси и кочевников.¹⁴ Краткий историографический очерк опубликован нами.¹⁵

Настоящая работа является попыткой заполнить образовавшийся пробел. Цель ее — проанализировать историческую литературу, посвященную взаимоотношениям Киевской Руси и печенегов, торков, половцев в XI—XIII вв.

¹² *Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И.* Рец. на кн.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хоз-ва и обществ. орг. М., 1976. — СЭ, 1977, № 5, с. 163.

¹³ См.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа, XII—XVII вв. М., 1973, с. 29.

¹⁴ *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. (По археол. матер. и письм. источникам): Автореф. канд. дис. М., 1952.

¹⁵ Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 210—221.